

МИХАИЛ МАРТЫНОВ

Московский педагогический государственный университет

ПРОБЛЕМА ГРАНИЦЫ В АНАРХИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ¹

The problem of the “border” in the anarchist discourse

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: анархизм, власть, граница, путешествие, языковая картина мира, текст

KEYWORDS: anarchism, power, border, travel, language-specific view of the world, text

ABSTRACT: The subject of this paper is the problem of the “border” in the anarchist discourse. The analysis is based on a number of key texts written primarily by Russian anarchists from the end of the nineteenth century to the beginning of the twenty-first century. The author also examines some of the texts of contemporary American anarchism. The main attention is paid to three different aspects of the conceptualization of the “border” in the anarchist discourse: the anarchist idea of travel, the problem of the “border” in the context of the Russian language-specific view of the world, as well as the “border” as a phenomenon of the text.

Категория границы актуальна для различных областей гуманитарного знания. Например, она является ключевой в культурологических и лингвокультурологических исследованиях, которые непосредственно затрагивают проблему взаимодействия разных культур. При этом в отличие от обыденного восприятия граница в науке представляется как сложная и неоднозначная категория. Например, согласно Д. С. Лихачеву (1999, 103), граница сочетает в себе одновременно и семантику общения между культурами, и семантику разобщенности и обособленности.

Интерес к феномену границы в современной науке проявляют не только культурологические, но и социальные дисциплины, в которых это понятие приобретает значимость на фоне процесса глобализации. В одних работах глобализация оценивается негативно, например, при помощи «образа забора» (Кляйн 2005), а в других – позитивно, как создающая новые формы мобильностей, уничтожающих границы (Урри 2012).

В данной статье категория границы будет рассмотрена в перспективе анархического мировоззрения. Материалом для исследования послужат русские

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

анархистские тексты. Основное внимание будет уделено трем различным аспектам концептуализации границы в анархическом дискурсе: идее путешествия, проблеме границы и заграничности в контексте русской картины мира, а также явлению «пересегментации». Под анархическим дискурсом мы будем понимать такую языковую активность анархистов, которая обусловлена ценностями и принципами их мировоззрения². При этом мы будем исходить из того, что дискурс, в том числе и анархистский, имеет «событийную» природу (Рикер 2008), – он может существовать только в исполнении, то есть всегда предполагает какие-нибудь коммуникативные обстоятельства.

1.

Важной составляющей анархического мировоззрения является идея условности границ. Анархисты полагают, что власть напрямую связана с существованием границ. Это могут быть границы, например, между государствами или социальными группами. Очевидно, что чем сильнее власть, тем прочнее границы – внешние (Берлинская стена, Великая китайская стена и др.) или внутренние (тюрьма, психиатрическая больница, фабрика и др.). Власть культивирует практику разделения («разделяй и властвуй»), и само пространство политического, согласно К. Шмитту (1992), конституируется благодаря разработке фундаментальной оппозиции «друг – враг». Политическое, согласно связанной с тезисом Шмитта традиции, основано на воспроизводстве экзистенциальной враждебности одной группы людей по отношению к другой³.

Одним из важнейших принципов организации анархического общества, то есть такого, в котором коллективное сосуществование индивидов не исключает их абсолютной индивидуальной свободы⁴, является сотрудничество, а не враждебность. Этот принцип был обоснован уже в работах П. А. Кропоткина

² Вопрос о влиянии идеологии на язык анархистских текстов одним из первых был поставлен М. Конфино, который, в частности, показал, что свойственная анархистскому мировоззрению антииерархическая установка определяет отсутствие в их текстах стремления иерархизировать семантику. Согласно исследователю, лексика анархистов начала XX века в этом отношении выглядит богаче лексики большевиков. Если марксисты признавали существование двух непримиримых классов, буржуазии и пролетариата, а другие группы населения, например интеллигенцию, они обозначали словом прослойка, то анархисты позволяли себе говорить о классе обездоленных и классе несчастных, о богатых и бедных, имущих и неимущих, о классах угнетателей и угнетенных, голодных, малообеспеченных и др. (Confino 1989).

³ Любопытно, что оппозиция «друг – враг» укоренена и во внутренней форме слова «государство», которое этимологически связано со словом *gоснодь*, образованном из двух частей: *gость* и *родь*. Первая часть слова означает чужестранца (ср. лат. *hostis* 'чужеземец, враг'), а вторая восходит к индоевропейскому *potis* – 'хозяин, глава дома; супруг' (Фасмер 1986, 446; Черных 1999, 210).

⁴ Устройство такого общества является одним из важнейших вопросов в анархизме и, например, в формулировке анархиста А. А. Борового он имеет следующий вид: «Каким образом можно осуществить абсолютную свободу индивида, не прекращая общественной жизни?» (Боровой 1906, 71).

(2007, 10 сл.), который – в противоположность дарвинизму – утверждал, что основным фактором эволюции живой природы и человеческого общества является не борьба за существование, а принцип взаимопомощи. Кропоткин тем самым подверг критики теорию Т. Гоббса об изначальной до-государственной враждебности человека, проявляющейся в виде «войны всех против всех» или «каждого против всех». Анархистская критика государства означает критику утверждаемой и поддерживаемой государством враждебности.

В анархистских и близких к ним текстах выдвинутый Кропоткиным принцип может фигурировать под другими именами и обозначаться как *любовь*⁵ или *дружба*, что усиливает его оппозицию по отношению к концепции государства⁶. В литературе можно прочитать:

По своей сути анархия – это помощь друзьям исключительно из дружеских побуждений. Среди нас, анархистов, это называется взаимопомощью. [...] Давайте начнем действовать не в больших организациях и суперструктурах, а в маленьких аффинити-группах, состоящих из друзей (CrimethInc 2010, 81, 110).

Мы (повстанческие анархисты – М. М.) считаем, что вместо традиционных структур «пролетарского», а на самом деле буржуазного типа (партий, профсоюзов, блоков, федераций, союзов и пр.), нужно создавать небольшие группы близости (по три-четыре-пять человек), базирующиеся на силе и прочности личного знания. В двух словах: на любви и дружбе. Группа близости – новая форма сопротивления в эпоху окончательной коррумпированности организаций старого типа (Бренер, Шурц 2006).

Согласно М. Фуко (1999), в основе функционирования дисциплинарной власти лежит принцип разделения, который формирует различные порядки изоляции (тюрьма, армия, больница, завод и др.). В дисциплинарном обществе центральным является исключаящий принцип, предполагающий практики сравнения индивида с некоторой условной «нормой» (там же, 282 сл.).

⁵ Ценное наблюдение приводит О. Буренина в статье, посвященной взаимодействию русского художественного авангарда и анархизма: «В тексте *Власть* Хармс полемизирует с пониманием власти, изложенным в работе его современника Макса Вебера (*Wirtschaft und Gesellschaft*, 1925). Для Вебера власть (*Macht*) – всегда связана с насилием, которое по своей сущности всегда инструментально и как всякое средство нуждается в цели. Хармс, озаглавив свой короткий рассказ “Власть”, ни разу не упоминает этого понятия. Напротив, он посвящает текст теме любви. Однако его размышления о любви перекликаются с выдвинутым Петром Кропоткиным законом о взаимопомощи и солидарности. [...] Любовь, с точки зрения Хармса, снимает иерархию создает свободу выбора и изолирует личность от законов, устанавливаемых государственным порядком» (Буренина 2006, 295).

⁶ Принцип дружбы или сотрудничества отличает анархическое мировоззрение от социальной философии марксизма, для которой общество «есть не результат взаимной дружбы или стремления к справедливости, а результат совместного труда ради удовлетворения наших материальных потребностей» (Хофмайстер 2006, 229).

В отличие от дисциплинарного социального порядка анархическое общество не нуждается в границах и утверждает, не - и с к л ю ч а ю щ и й принцип дружбы и сотрудничества. Как отмечает Кропоткин, в анархическое общество «входит бесконечное разнообразие личных способностей, темпераментов и сил, оно никого не исключает из своей среды» (2004, 212).

Отказ от идеи границы характерен для различных поколений анархистов. Эту мысль можно встретить как в анархистских текстах начала XX века, так и в современных. Приведем два примера:

Анархия по существу, всемирна и ей абсолютно безразличны всякие границы и пределы, она не укладывается в рамки одного государственного организма, в пределы обитания одного народа, она для всех людей, для всего мира, она мыслится как объединение человечества, как общежитие, охватывающее весь мир. [...] Анархизм насковзь унитарен, у него весь мир – одна область, один край, одна свобода, одно вольное сожительство. Анархизму, оперирующему личностью, по существу чужд и претит всякий *локализм*, всякий географический или административный, экономический, производственный *федерализм* (Гордин 1920, 12 сл.).

Нам враждебно государство со всеми его институтами: законами, границами, налогами, армией и спецслужбами. [...] И прогрессистский, имперский национализм «больших» народов, и «освободительный» национализм народов «малых» полностью нами отвергаются. Уничтожая границы между странами, мы не можем поддерживать вражду между народами (Декларация 2006).

Подобные анархистские идеи обнаруживаются и в реальных протестных практиках. Самые известные из них связаны с выступлениями анархистов против закрытия границ вокруг Европейского союза и с организацией соответствующих протестных лагерей. Один из них был инициирован, например, в 1999 году польской Анархической Федерацией (FA), выступающей, в частности, «против ксенофобии и закрытия границ, против политики исключения эмигрантов и беженцев» (Zaczek 1999)⁷. Другая похожая акция была проведена в Киеве летом 2000 года. По свидетельству одного из участников, она была организована анархистами, но объединяла представителей самых разных левых взглядов (Винни-Пух 2000, 33).

Отрицание границ, как способ отрицания власти, содержится также и в и д е е п у т е ш е с т в и я . В книге, написанной анархистским коллективом в сети CrimethInc, читаем:

⁷ Как сообщалось в организационном письме: «Мы не думаем, что вхождение Польши в Евросоюз – это хорошее дело, и мы не поддерживаем экономического и политического империализма Брюсселя. Такой лагерь уже был на германской границе, сейчас самое время сделать что-то подобное на границе Польши, Украины и Белоруссии. Нам будут интересны контакты со всеми организациями, которые хотят сотрудничать с нами в этом вопросе, в основном с западной Украины и Белоруссии, но не только» (Zaczek 1999).

Границы существуют не только в реальном мире. Границы существуют у нас в головах. Покуда мы верим в то, что являемся гражданами неких конкретных стран и ограничены лояльностью по отношению к некоему конкретному сообществу, мы проигрываем. Нам всем стоит почаще путешествовать! (CrimethInc 2010, 33).

В основе анархистского «путешествия» находится идея свободы, поиск которой не подчинен идее места. Как правило, обычное туристическое путешествие связано с посещением мест, выбор которых обусловлен конкретными целями: отдых, бизнес и т.п. В анархистском понимании не существует мест, которые бы могли заранее гарантировать свободу, поэтому и движение для анархистов не может иметь строгой направленности. Анархистское путешествие является по своей сути космополитичным, стремящимся к «Миру», освобожденному от границ.

Туристическое путешествие, напротив, космополитичным не может быть, поскольку, как отмечает Б. В. Марков (2011, 411), неизбежно выстраивается в контексте различения «своего» и «чужого», то есть в контексте идеи границы. Путешествия анархистов могут принимать самый различный вид: это могут быть как поездки автостопом (Витни 1998), так и передвижения на собственном транспорте (Акай 1997); Существует также родственное анархизму движение вагеноборцев (Никулина 2012), которые странствуют в «вагонах на колесах» и выступают за свободу выбора мест проживания. Анархистские путешествия часто имеют стихийный характер и напоминают чистое бродяжничество, оспаривающее обязательную функциональность и коммуникативную необходимость какого-либо перемещения в пространстве. В этом отношении бродяжничество как очевидный способ отказа от участия в воспроизводстве коммуникативных структур власти сопоставимо с религиозными практиками ухода из «Мира», например, с анахоретством, которое, как отмечает Барт (2016, 77), представляет собой индивидуалистическую реакцию на диктат власти: «Я удаляюсь, я отрицаю власть, мир и весь его аппарат».

2.

Согласно известному определению Н. Бердяева, Россия является «самой анархической страной в мире», и при этом анархизм представляет собой «явление русского духа» (2007, 15)⁸. Если этот тезис справедлив, и действительно концепт «анархия» является одним из ключевых в русской культуре, то

⁸ «Россия – самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире. И русский народ – самый аполитический народ, никогда не умевший устраивать свою землю. [...] Анархизм – явление русского духа, он по-разному был присущ и нашим крайним левым, и нашим крайним правым. Славянофилы и Достоевский – такие же, в сущности, анархисты, как и Михаил Бакунин или Кропоткин» (Бердяев 2007, 15).

возникает необходимость осмыслить возникающий в связи с этим парадокс. Дело в том, что ключевые представители русского анархизма утвердились в своем анархическом мировоззрении не в России, а во время заграничных путешествий. Например, А. А. Боровой стал анархистом в 1904 году во время поездки во Францию для работы над диссертацией. В своих воспоминаниях он очень точно описывает это событие:

В одно из октябрьских воскресений, день свободный, по крайней мере, от библиотеки, я сидел в полном уединении в Люксембургском саду. Был дивный золотой осенний день, был тихий час. [...] Неожиданно, из каких-то неведомых глубин – во мне родилась разом – огромная, оформленная, просветляющая единая мысль. С необыкновенной отчетливостью, побеждающей убедительностью – во мне проснулось чувство нового для меня мироощущения. Я дрожал, как струна. У меня не было с собою ни карандаша, ни записной книжки. Не помню – как дошел я или добежал до своего отеля и буквально в лихорадке записал отдельными словами ход пришедших мыслей. Со скамьи Люксембургского сада – я встал просветленным, страстным, непримиримым анархистом, каким остаюсь и по сию пору (Боровой 1929–1934)⁹.

Интеллектуальная эволюция М. А. Бакунина началась, как известно, с интереса к учению Гегеля, и только за границей Бакунин критически переосмыслил гегельянство с «левых» позиций и в конечном итоге утвердился в своих анархических взглядах. Кропоткин анархистом стал в Швейцарии, сотрудничая с рабочими Юрской федерации. Он оставил воспоминание об этом событии в «Записках революционера»: «И когда, проживши неделю среди часовщиков, я уезжал из гор, мой взгляд на социализм уже окончательно установился. Я стал анархистом» (Кропоткин 1988, 276). Следует также заметить, что и анархистские организации в самом начале XX века одними из первых в России возникли не в центральных городах, а на окраинах, например, в Екатеринославле.

По нашему мнению, в самой идее з а г р а н и ч н о с т и, содержится движение мысли, способствующее перемене взглядов и принятию в конечном итоге анархического мировоззрения. Ключевую роль в этой перемене играет концепт п р о с т о р а, который в русской модели мира является амбивалентным. Как отмечают И. Б. Левонтина и А. Д. Шмелев, с одной стороны, простор связан с идеей свободы, которую выражают концепты «воля»¹⁰, «размах», «разгул»

⁹ Боровой упоминает об этом значимом событии также и в других текстах, например, в своей краткой автобиографии: «В 1903 г получил двухгодичную заграничную командировку и работал в библиотеках и архивах Западной Европы, по преимуществу во Франции, где собирал материалы для диссертации – “История личной свободы во Франции”. К 1904 г в Париже оформилось мое анархическое мировоззрение после пяти лет безмерного увлечения Марксизмом» (Боровой 1926).

¹⁰ Как пишет Д. С. Лихачев, «воля вольная – это свобода, соединенная с простором, с ничем не прегражденным пространством. [...] Воля – это большие пространства, по которым можно

и др., а с другой стороны, он вызывает тревогу¹¹ и связан с различными опасностями и природным дискомфортом (холодом, ветром и др.). В этом смысле простор, согласно исследователям, противопоставлен не тесноте, а уюту, выполняющему функцию укрытия и защиты от недружелюбного мира. Авторы сопоставляют русский уют с голландским аналогом, и приходят к выводу, что уют в русской культуре отличается своей тягой «к небольшим закрытым пространствам» (Левонтина/Шмелев 2000), которые ограничивают действие подавляющих «русскую душу» «необъятных русских полей и снегов». В «голландском уюте» «есть сходное ощущение покоя и защищенности», но в противоположность русскому оно связывается с незамкнутыми пространствами.

О двойственности осмысления пространства в русской культуре говорит также и Е. Хеллберг-Хирн, которая отмечает, что кроме связанного со свободой простора, существует и «непроницаемость границ». «Русское беспокойство границ известно: каждый дом в крестьянской деревне, каждая церковь, строящаяся со своим церковным двором, даже каждая могила обычно окружены ограждением-забором» (Hellberg-Hirn 1999, 51). Беспокойство по поводу «границы» характерно не только для деревни, но и для города, в котором часть входных дверей городских учреждений почти всегда закрыты. При этом закрытыми очень часто бывают центральные двери, и посетители вынуждены пользоваться только некоторыми из имеющихся по сторонам. Хеллберг-Хирн отмечает, что у иностранцев эта ситуация вызывает удивление, но для русских это один из способов управления пространством.

Итак, в контексте русской картины мира понимание «границы» связано, прежде всего, с категорией защиты, и ее концептуальная противопоставленность свободе не является однозначной. В пределах русского культурного контекста граница противопоставлена прежде всего не свободе, а не-уюту, – граница есть то, с помощью чего формируется уютное пространство, то есть максимально защищенное от неустроенности открытого простора. В перспективе за-границности возникают условия для иного, «не-родного», осмысления границы, то есть освобожденного от автоматизма восприятия. Граница начинает осознаваться не в связи с простором как источником опасностей и различных дезорганизирующих качеств, а в связи с простором как источником свободы, – то есть как ограничивающая простор и свободу. Ю. С. Степанов, рассматривая концепт «родная земля», приводит очень важную мысль В. О. Ключевского: «Все, что он (путешественник из России) видит вокруг себя

идти и идти, брести, плыть по течению больших рек и на большие расстояния, дышать вольным воздухом, воздухом открытых мест» (1984, 10). Подробнее о просторе как одном из ключевых концептов русской языковой картины мира см.: Булыгина/Шмелев 1997, 481–490; Шмелев 2000, 364; Левонтина/Шмелев 2000, 338–347.

¹¹ Эту мысль, например, красноречиво выражает Бердяев: «русская душа ушиблена ширью», «подавлена необъятными русскими полями и необъятными русскими снегами» (2007, 75 сл.)

на Западе, настойчиво навязывает ему впечатление границы, предела, точной определенности, строгой отчетливости...» (Степанов 2004, 172). «Границы» у этого путешественника есть и на родине, но они не производят «впечатления», поскольку являются в определенном смысле естественными, входящими в структуру некоторого фонового знания. Таким образом, формирование анархического мировоззрения во время заграничных путешествий в определенной степени обусловлено этими эффектами межкультурного взаимодействия, но, конечно, только ими не ограничивается. Среди других (более очевидных) причин, можно выделить увлеченность путешествующих интеллектуалов (Бакунин, Кропоткин, Боровой) темой освободительного движения, а также более разработанную, по сравнению с Россией, традицию свободомыслия в странах Западной Европы¹².

3.

Анархистская установка на отрицание границ обнаруживается также в практиках перераспределения пробелов между словами, которые в научной литературе принято обозначать понятием «пересегментации» или «сдвига»¹³. Например, явление пересегментации можно обнаружить в способе образования имени у анархистского журнала «Вуглускр»¹⁴, отсылающего нас к анекдоту про Вовочку:

На уроке русского языка идет диктант. Учительница медленно произносит:

– В углу скребет мышь...

Вовочка поднимает руку:

– Марья Ивановна! А В у г л у с к р с большой буквы писать?

Прием перераспределения пробелов (или границ) между словами часто используется в экспериментальной литературе, в которой он связан, прежде всего, с игровым началом (см. подробнее: Бонч-Осмоловская 2009, 99). В анархизме на первый план выдвигается проблема принудительного характера языковой конвенции и шире – проблема взаимосвязи языка и власти.

В частности, «Вуглускр» ставит под вопрос конвенциональные границы слов в предложениях, а также смыслы, связанные с этими границами.

¹² Но при этом важно, что и европейская государственность, создающая более приемлемые условия для свободы мысли, чем в России, не является для анархистов эталонной. В конечном счете она должна быть отменена в пользу осуществления анархического идеала. Анархисты свой идеал видят в народе (Бакунин: «Мы патриоты народа, а не государства» (1920, 114)), который рассматривается с позиций эссенциализма. То есть анархисты верят в некий «народный дух» или «народный характер», который способен обновить мир, переустроить его на принципах свободы (Янов 1978).

¹³ Подробнее об этих понятиях и практиках неконвенционального членения слов см.: Зубова 2000; Фатеева 2004.

¹⁴ Журнал был основан группой московских анархистов в 1993 году. Его активными участниками были В. Тупикин, П. Рябов, Н. Муравин и др.

Обосновывается это, в частности, тем, что древние тексты не имели слово-разделов (Зубова 2000, 367). Принятие однозначных правил членения текста на слова и фразы состоялось при активном участии власти. В России это произошло после введения Петром I в 1708 году «гражданского шрифта», определившего основные типографские стандарты (Семьян 2006, 90). Сегодня существует немало анархистских или родственных анархизму самиздатских журналов, не имеющих в названиях пробелов между словами, ср. некоторые примеры: *топливодляракеты, мывсёещёттам, ешьмикрофон, раскройглазайблюйсвободой, МыслиВслух, ПсевдоЖизнь* и др. Нередкими являются случаи, когда в название включаются различные графические вставки, элементы других алфавитных систем, знаки препинания и др., которые нарушают целостность слова и создают дополнительные смысловые уровни (*Падёж S kota; Гени?альный Ящур; Лю*))блю/ю и др.).

Иногда разрушение принятых конвенций выражается при помощи использования дефисных образований. Например, в XIX веке анархисты какое-то время настаивали на ненормативном написании слова «анархия» через дефис как «ан-архия». В «Речах бунтовщика» Кропоткин объясняет необходимость использования дефиса следующим образом:

Сначала она (анархическая партия в Интернационале) настаивала на маленькой черточке между *ан* и *архией*, объясняя, что в этой форме слово *ан-архия*, греческого происхождения, означает не «беспорядок», а «отсутствие власти». Но скоро она приняла его, как есть, не задавая лишней работы наборщикам и не отягощая своих читателей уроками из греческого языка (Кропоткин 2004, 58).

Следует также заметить, что установка на разрушение конвенций не является только внешней и применима по отношению к самому анархизму. Одним из ярких примеров, иллюстрирующих эту мысль, является феномен вариативности одного из самых известных анархистских символов – «А в круге». В сборнике, посвященном его истории (A-cerchiata 2008), представлено более 100 его различных вариантов, ни один из которых не является нормативным. Иными словами, эти символы не выстраиваются по образцу модели «копия–оригинал», то есть они не воспроизводят авторитарную логику подлинности/неподлинности.

(A-cerchiata 2008, 30).

* * *

Итак, критика границы в анархизме может фигурировать в нескольких ракурсах. Во-первых, это критика разделяющих физических границ (между государствами, между социальными группами и др.), которые использует власть для своего функционирования. В противоположность этому в текстах русского анархизма выстраивается образ «мира-без-границ», основанный на не-исключающем принципе дружбы (любви) или сотрудничества. С этим образом связан также и образ странствующего анархиста, ставший особенно популярным во второй половине XX века. При этом анархистское путешествие за границу реализует космополитические представления и позволяет, в частности, создать условия, освобождающие анархистское мышление от влияния узконациональных концептов. Последние в отдельных случаях, – как в нашем примере с «простором», – способны затруднять анархистскую рефлексию. Во-вторых, граница в анархизме осмысливается как феномен текста, и в этом случае она критикуется по отношению к существующим в языке конвенциям и их принуждающего характера.

Библиография

- Акай, Л. (1997), 20 лет в анархии. В: Наперекор. Катализатор умственного брожения. 6, 25–29.
- Бакунин, М. А. (1920), Избранные сочинения. Т. 3: Федерализм, социализм и антитеологизм. Москва.
- Барт, Р. (2016), Как жить вместе: романические симуляции некоторых пространств повседневности. Конспекты лекций в Коллеж де Франс, 1976–1977 гг. Москва.
- Бердяев, Н. А. (2007), Судьба России: Книга статей. Москва.
- Бонч-Осмоловская, Т. Б. (2009), Введение в литературу формальных ограничений. Самара.
- Боровой, А. А. (1906), Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм. Москва.
- Боровой, А. А. (1926), Автобиография. РГАЛИ, ф. 1023, оп. 1, ед. хр. 838.
- Боровой, А. А. (1929–1934), Моя жизнь. Воспоминания. Глава 6 «Русско-японская война», Глава 7 «Как я стал анархистом», Глава 8 «Приезд жены, поездка в Швейцарию», Глава 9 «Париж», глава 10 «Германия и Вена». РГАЛИ, ф. 1023, оп. 1, ед. хр. 167.
- Бренер, А./Шурц, Б. (2006), Предисловие к сборнику «На ножках со всем существующим». В: <<http://ru.theanarchistlibrary.org/library/aleksandr-brener-i-barbara-shurc-predislovie-k-sborniku-na-nojah-so-vsem-suschestvuyuschim>> [доступ 7 июня 2017].
- Булыгина, Т. В./Шмелев, А. Д. (1997), Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). Москва.
- Буренина, О. (2006), Философия анархизма в русском художественном авангарде и «замкнутые конструкции» Даниила Хармса. В: Russian Literature. LX, 293–307.
- Винни-Пух. (2000), Акция «No borders!» в Киеве. В: Тум-балалайка. 15/16, 33.
- Витни. (1998), По дорогам с облаками. В: Наперекор. Катализатор умственного брожения. 7, 35–36.
- Гордин, А. Л. (1920), Анархизм-Универсализм (К обоснованию программы). Москва.
- Декларация Союза Анархистов (проект). (2006). В: Антиполитика. 1. В: <<https://piter.anarhist.org/01sa.htm>> [доступ 8 июня 2017].

- Зубова, Л. В. (2000), Современная русская поэзия в контексте истории языка. Москва.
- Кляйн, Н. (2005), Заборы и окна: Хроники антиглобализационного движения. Москва.
- Кропоткин, П. А. (1988), Записки революционера. Москва.
- Кропоткин, П. А. (2004), Анархия, ее философия, ее идеал: Сочинения. Москва.
- Кропоткин, П. А. (2007), Взаимопомощь как фактор эволюции. Москва.
- Левонтина, И. Б./Шмелев, А. Д. (2000), Родные просторы. В: Арутюнова, Н. Д./Левонтина, И. Б. (ред.), Логический анализ языка. Языки пространств. Москва, 338–347.
- Лихачев, Д. С. (1984), Просторы и пространство. В: Лихачев, Д. С. Заметки о русском. Москва, 10–12.
- Лихачев, Д. С. (1999), Очерки по философии художественного творчества. Санкт-Петербург.
- Марков, Б. В. (2011), Люди и знаки: антропология межличностной коммуникации. Санкт-Петербург.
- Никулина, А. (2012), Германия: Вагенбурги – коммуны на колесах. В: <<https://avtonom.org/news/germaniya-vagenburgi-kommuny-na-kolesah>> [доступ 7 июня 2017].
- Рикер, П. (2008), Модель текста: осмысленное действие как текст. В: Социологическое обозрение. 1, 25–43.
- Семьян, Т. Ф. (2006), Визуальный облик прозаического текста как литературоведческая проблема. Челябинск [диссертация].
- Степанов, Ю. С. (2004), Константы: Словарь русской культуры. Москва.
- Урри, Дж. (2012), Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. Москва.
- Фасмер, М. (1986), Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1. Москва.
- Фатеева, Н. А. (2004), Директории «По», «От» и «До», или *poetical language in progress*. В: Фатеева, Н. А. (ред.), Материалы международной конференции-фестиваля «Поэтический язык рубежа XX–XXI веков и современные литературные стратегии». Москва, 79–90.
- Фуко, М. (1999), Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. Москва.
- Хофмайстер, Х. (2006), Что значит мыслить философски. Санкт-Петербург.
- Черных, П. Я. (1999), Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 1. Москва.
- Шмелев, А. Д. (2000), «Широта русской души». В: Арутюнова, Н. Д./Левонтина И. Б. (ред.), Логический анализ языка. Языки пространств. Москва, 357–367.
- Шмитт, К. (1992), Понятие политического. В: Вопросы социологии. 1, 37–67.
- Янов, А. (1978), Три утопии (М. Бакунин, Ф. Достоевский и К. Леонтьев). В: Двадцать два. 4, 191–210.
- A-cerchiata. *Storia veridica ed esiti imprevisi di un simbolo* (2008), Milano.
- CrimethInc (2010), Анархия в эпоху динозавров. Москва.
- CONFINO, M. (1989), *Idéologie et sémantique: Le vocabulaire politique des anarchistes russes*. In: Cahiers du monde russe et Soviétique. 3/4, 255–284.
- HELLBERG-HIRN, E. (1999), *Ambivalent Space: Expressions of Russian Identity*. In: Smith, J. (ed.), *Beyond the Limits: The Concept of Space in Russian History and Culture*. Helsinki, 49–69.
- Zaczek (1999), Польские анархисты организуют летний лагерь в межграницье. В: Черный список. 41. <<https://piter.anarhist.org/bl41.htm>> [доступ 7 июня 2017].